

НИКОЛАЙ ПОЛЕТАЕВ

ПОЭТ СО СВОИМ ГОЛОСОМ

Лучшие стихи Полетаева написаны десять лет назад и ранее, во времена Пролеткульта и «Кузницы». «Кузнечно»-пролеткультовская поэзия в целом является пройденной ступенью, как бы ни было велико ее историческое значение. Но несколько имен выдержало испытание временем. И среди них — имя Николая Полетаева.

В «кузнечно»-пролеткультовском поэтическом окружении он занимал особое место. В его стихах не было почти ничего от «космизма» и «планетарности», от риторики и ходульности. Неторопливо и задумчиво рассказывали его стихи биографию человека, который пришел в капиталистический город из деревни и перед которым Октябрьская революция настежь распахнула ворота к новой жизни.

Об этой революции он писал не как о «радостном вихре», не как об «урагане», не как о «восторге опьяняющем», т. е. не так, как писали о ней его товарищи по поэзии тех лет. Нет, для ее определения он подыскивал скупые и жесткие слова:

Рядов сплоченных шаг размерный
И строгость бледно-серых лиц...
...Не торжество, не ликование,
На смехом брызжащий восторг, —
Во всем холодное сознание,
Железный, непреложный долг.

Он никогда не осознавал себя участником приготовления революции, ее бойфрм, сражающимся в передовых шеренгах. Но революция повела его за собой, и он пошел вместе с нею, как пошли и широкие слои городской бедноты, чьи думы и чувства отражала его поэзия. В стихах Полетаева мы все время чувствуем болезненный надлом. В этом смысле они не совпадают с оптимистической поэзией социализма. Но они выразили путь к пролетарской революции известных слоев рабочего класса, ремесленников и вообще городской бедноты, и в этом смысле они и по сей день остаются органической частью социалистической поэзии.

Взгляд Полетаева как бы прикован к прошлому. Он жил в подвале, и воспоминания о подвальной жизни сохранились у него на все последующие годы. Он стал романтическим мечтателем, но как непохож его, родившийся в подвале, романтизм на яркую и смелую романтику необузданной фантазии и героического действия.

«Моя жизнь... Да ведь это какое-то бессильное чучело... «жизнь моя... Заезженная кляча, приведенная на обдирыный двор...» «Бывает. Рабское наследство стиснет грудь и задрожит рука, и несет проклятая привычка в грязные туманы кабака...»

Таких признаний немало в полетаевской поэзии.

Как злился я на темный свод,
Где золотые гвозди вбиты;
Казалось, это он мне шлет
Туман сырой и ядовитый.
С расписанного потолка
Он грязь и мусть весны смывает,
А нас в туманах потопляет,
Где боль, и злоба, и тоска.
И ослепленный пьяной мглой,
В грязи передвигая ком,
Усталый ветер, злой, больной,
Все мечется, и нет дороги.

Он ненавидел свой подвал, в образе которого символизировалась для него капиталистическая жизнь, он мечтал о «здоровенном молоте», который сменил бы его «малый и робкий молоток». Но часто отливней, от пе-

годы, от борьбы он уходил под своды все того же подвала, чтобы там, в дыму и тряпках «сплетать венки из плесени весне». Здесь, под гудение самовара, рождались его мальчишеские мечты о княжне Мари или о жюль-верновских странствиях — наивная романтика, рожденная под низкими, сумрачными, заплесневелыми подвальными сводами. Юношеская книжная романтика, возникшая в поисках социального просвета, была продолжена и в зрелые годы в форме надломленных мечтаний о «кавалере де Грие» или о пушкинских временах.

И Ленский мертвый на снегу,
И я пред Ленским на коленях...

Он сочинял песни «о соловьях, которых не слышал». Но сюда же, в сумрак и плесень, пришла весть об Октябрьской, освобождающей революции.

И вот ко мне, и вот опять,
Летит в дыму и на парах
Мой голубой, мой золотой,
Мой неожиданный Октябрь.
Он обоймет, он расшибет
Веками сбитый мой подвал,
И я прочту в глазах ребят,
Что солнце близко не видал.

«Неожиданный Октябрь» — как это правдиво сказано. Как это верно передает сущность полетаевской поэзии. Она рванулась на свежий воздух. ~~Безжалостно~~ вот-вот еще одно усилие, и Полетаев сбросит с плеч груз «рабского наследства», станет поэтом, утверждающим социалистическую жизнь, ее, а не книжную романтику. И он, действительно, написал ряд замечательных революционных стихотворений. Среди них особенно заметны стихи о Ленине, и, в частности, широко известное «Портретов Ленина не видно». Но он не закрепился на новых позициях, не пошел вперед. Его поэзия остановилась у выхода из подвала. Он с гордостью говорил, что «не порвал с железной дорогой — хорошая и дружная семья!» Он хотел бы идти «весело, плечом к плечу, как в боевые годы». Он приглядывался к подрастающей смене, к комсомольцам и молодежи. Но самого себя он все более осознавал отстающим от поступи жизни. Ненависть к прошлому не подкрепила у него любовью к социалисти-

ческому настоящему и будущему. «Не в силах я, певец подвальной гнили, твоих лесов напевы передать», — писал он, обращаясь к советской родине. «Больной, измученный, бессильный», он возвращался к полям, к деревне, но и здесь его не достигали «привидения» подвалов. «Я ни разу соловья не слышал, и не рад теперь, что услышал», — писал он.

Поэзия «малого, робкого молотка» — такова поэзия Николая Полетаева. Неширокая по своему социальному диапазону, она искренна и органична. В истории пролетарской социалистической поэзии она останется как ее интересная и талантливая страница, подготовлявшая, вместе с поэзией Казина, Александровского и некоторых других поэтов этого поколения, подъем пролетарской лирики. Она уже в прошлом, полетаевская поэзия, с ее тематикой, с ее мучительными раздумьями, с ее сочетанием детально-реалистического рисунка и романтического, часто книжного, обрамления. Но прошлое нужно знать. Тем более, что это совсем недавнее прошлое.

Николай Полетаев был участником «Кузницы», работал одно время в редакции «Октября», но литературная среда мало привлекала его, и он снова уходил из журналов на железную дорогу, снова становился железнодорожным служащим. Он был предельно скромным, замкнут в себе, внутренне малодоступен, любил одинокие размышления и одинокие прогулки. Однажды, возвращаясь с Беломорско-Балтийского канала, в Ленинграде мы поднялись на вышку Исаакья. Под нами лежал город, блестяще взморье, вдали чернели пики Кронштадта. Шурясь от нестерпимого блеска, Полетаев сказал:

— Я этого не видел раньше.
И виновато, после паузы, добавил:
— Я вообще мало видел в жизни.

Последнее время он болел, ничего не печатал. Но о нем всегда помнили как о настоящем поэте. Да, он мало видел в жизни, и это сузило его творчество. Но мы легко узнаем его поэтический голос в ряду других. А ведь это самое великое для художника: найти свой голос.

А. СЕЛИВАНОВСКИЙ

ПОЛЕТАЕВА БУДУТ ЛЮБИТЬ

С Н. Полетаевым я встретился в 1918 году, в литературной студии московского Пролеткульта. Среди пролеткультовской молодежи самый из нас старший Полетаев как-то сразу нашел свой голос, свои мотивы.

Жилец городской окраины, Дорогомиловского подвала, рожденный в нем в тяжелые годы рабского прошлого, Полетаев слагал песни о грозах, о просторах, о солнце, о соловьях, которых не слышал.

Замечательный лирик с большим социальным характером, он внес в советскую поэзию свои самобытные образы.

Его творчество будет занимать особое место в советской поэзии. Полетаева будут любить и изучать.

Для меня Полетаев — один из любимых советских поэтов.

Г. САННИКОВ

ДРУГ

С Н. Полетаевым кроме общих творческих установок меня связывало чувство глубокой дружбы. Поэтому его смерть мною ощущается особенно остро.

Ушел из жизни не только один из наиболее талантливых лириков — «кузнецов», но и большой товарищ и друг.

Не велико количественно поэтическое наследство поэта. Всего две-три книжки настоящих, самобытных, волнующих душу стихов.

Полетаев работал медленно. Многие стихи уничтожал. Его требовательность к себе должна быть поставлена в пример молодым поэтам.

М. ГЕРАСИМОВ

ОН ГОВОРИЛ ВОЛНУЮЩИЕ СЛОВА

Творчество пролетарского поэта Полетаева своеобразно и оригинально. Наша критика еще недостаточно оценила этого замечательного лирика. Полетаев имел правильный поэтический голос, верную интонацию и волнующие слова. Это большое достижение каждого поэта.

Творчество Полетаева войдет в железный фонд советской поэзии.

Вл. КИРИЛЛОВ

ДЕЯТЕЛЬНЫЙ РЕДАКТОР

Умер талантливый пролетарский лирик, деятельный сотрудник журнала «Октябрь» Николай Гаврилович ПОЛЕТАЕВ.

С самых первых лет организации журнала «Октябрь» он принимал деятельное участие, руководя поэтическим отделом, помогал молодым писателям в их творческом росте, внимательно следил за выдвижением новых поэтических кадров. Принадлежал к старому поколению пролетарских поэтов. Полетаев всегда очень чутко относился к растущей молодежи.

Редакция и сотрудники журнала «Октябрь» глубоко скорбят о смерти товарища.

Редакция и сотрудники журнала «Октябрь».

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

17 марта в помещении правления ССП состоялась гражданская панихида по умершему Н. Полетаеву

На другой день — 18 марта — поэт Полетаев был похоронен на Дорогомиловском кладбище.

Лит. газета. — 1935. — 20 марта

20.03.35

Полетаев Николай